

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Пьяная красавица и баня

(Как водится, очень прошу сначала внимательно посмотреть теги! Это небольшой отдельный рассказ, чуть-чуть вне серии. Среди постоянных читателей есть те, кто спрашивал тему Инцеста. Это мой небольшой подарок Вам.) — Нет ничего привлекательнее, чем женское тело, — рассуждал новый «папик», аккуратно подкрашивая мне соски.

Борис оказался большим эстетом, предпочитал долгие прелюдии, философские обоснования и скорее арт порно инсталляции, чем секс. А еще он любил игры. Я поморщилась.

Как человек, крайне ответственно подходящий к вопросу здоровья и ухоженности тела, я не разделяла его восторга от сценарных игр «с погружением». Вчера, например, пришлось бегать босиком по саду, напарываясь на сучки и камни, цепляясь туникой за кусты, изображая нимфу в беде.

Борис в меховых штанах и рокерских ботинках топтал за мной с глиняной амфорой наперевес. По его задумке, нимфа должна была быстро сомлеть, и фавн, то бишь он, страстно берет ее, как есть бессознательную.

Но амфора меня серьезно напрягла. Он тащил ее с таким видом, как будто именно ей треснет в итоге для надежности сомнения.

Поэтому, пару раз вначале театрально повизжав и оглянувшись в трепетном испуге, я заподозрила недоброе, и припустила не-по-децки. Боречка, чей вид был еще ого-го, а вот реальный возраст несколько подводил, начал отставать и материться, выходя из образа.

В итоге он запулил в меня этой амфорой, чем еще раз подтвердил правоту интуиции (спасибо, сестра!) и, потеряв всякий интерес к грубому природному коитусу, сел на лавочку отдышаться.

Как любит цитировать мой папа:

Маньяки Фатиму настигли на двадцать пятом этаже. Но отчего-то не хотелось. Уже.

Но этот афронт был скорее исключением. Играть с Борей приходилось часто, деловое соглашение есть деловое соглашение. Участие в Конкурсе красоты в обмен на милые фантазии? My word is my bond, епт.

Сегодня Боря решил устоять для друзей Римские бани. Сенаторы, гетеры, ля-ля. В итоге он уполовинил время моего обучения и подготовки к конкурсу, выгнав массажиста.

Я, как водится, тут же устроила показательную истерику с заламыванием рук, и по результатам «цыганочки с выносом» — получила обещание увеличить бюджет на платье первого выхода.

Довольные друг другом, нежно поцеловавшись, («Борюсик» — «Дашуленька») мы занялись подготовкой к вечеринке. Боря решил продолжить идею Лошадки, моего милого случайного прозвища. На обнаженном теле, вымытом до скрипа, «папик» навел хной подчеркивающие контуры.

Подчеркнул круп, обведя кругами и завитушками ягодицы. Затем выделил полушария груди и яркие ягоды сосков. Хна отлично выглядела на золотисто-белой коже, несколько дней продержится.

Я повертелась перед зеркалом, а что, эффектно.. Попа и грудь визуально стали еще больше, почти гротескно демонстрируя разницу с тонкой талией и стройными ногами.

«Прямо женщина вамп» — хмыкнула я, выгибаясь и топыря попу.

Сияющий Борис осторожно надел уздечку со сложной системой удил. Удила я тут же нагло выплюнула.

Анальная пробочка в виде шикарного длинного хвоста, коротенькая юбочка из полупрозрачной кисеи и серебряные босоножки на высоких каблуках и с перевитыми ремешками на лодыжках завершили картину.

Борис поправил фибулу на золотой тунике и приосанился. — Все в баню с гетерами, а я с конем! (пауза) Блядь, на коне!

Проезд к баням был перекрыт охраной. Машину Бори пропустили, чуть не кланяясь и салютуя жезлами.

Меня вывели в легкой попонке до бедер. Как ни удивительно, но в ярком макияже, пересекающей лицо узде и с разрисованным телом, я чувствовала себя на редкость комфортно и защищенно, костюм что-то менял внутри меня. Борюсичка прав — декорации наше все.

Начало приема было очень пышным и красивым. Играла музыка, полированный мрамор отражал световые лучи, бегущие по стенам.

На троне гордо сидел Боря. Ступенькой ниже, на четвереньках стояла я, с любопытством вертя мордашкой. Одна императорская нога в сандале гордо упиралась мне в спину, укрытую попонкой.

Рассмотреть гостей с позиции снизу удавалось не все, но пару платьев были чудо как хороши. Еще мне запомнилась мускулистая гетера. Вроде бабца, но перекаченная так, что со спины и не скажешь. У-жас!

Потом трон унесли, зато накрыли столы, все расслабились, загомонили и понеслось.

Боря плюнул на церемонии и притиснув к себе, поил вином из рога, слизывал капли с подбородка.

Попонку не снимал, жадничал, но сам под нее заглядывал.

Напротив сел мрачный Кирилл, мой предыдущий «папик» и буравил нас взглядами. Мне было неприятно, а Боре явно было все равно.

— Поделишься? — глухо спросил Кирилл. — Подумаю. — дипломатично уклонился Боря, поглаживая меня по бедру. — А меня спросить? — удивилась я, — Борь, не буду я с Кириллом.

Оба холодно обернулись, покерфэйся как близнецы, Боря больно шлепнул, и я обиделась. Ой, да пожалуйста. Общайтесь. Уйду я от вас.

Грациозно взяла бокал с вином. Покачиваясь, медленно попивая, поцокала по баньке, рассматривая персонажей. Было весело, гетеры танцевали, сенаторы расчехляли торсы, даже пару рабов сидели на цепочках.

Внезапно я резко остановилась. За одним из крайних столов сидели и о чем-то тихо раговаривали: незнакомый симпатичный брюнет и... мой двоюродный брат, Славик.

В детстве мы с ним весело гоняли у бабушки в деревне. Потом подросли, все недосуг общаться было, хотя он звал на вечеринки. Славик — старше, серьезнее, женат. Скукота.

И вот нарисовался. Если узнает и расскажет папе... Дрогнула. Пипец. Ладонки вспотели, я осторожно попятилась назад. И наткнулась на кого-то стоящего сзади.

— Стоять, лошадка., — блин, Кирилл, — ты чего там испугалась? — Пусти! — дернулась я. — Слушай, — горячий шопот, — ну повздорили мы, с кем не бывает. Возвращайся ко мне, лошадка. Скучаю по тебе.

— Нет. Пусти, меня Боря ждет. — от страха и перепития зуб на зуб не попадал.

— Боря сейчас занят, не будем ему мешать. А не этих ли ты парней, лошадка моя, так испугалась, дрожишь до сих пор. Ну-ка.

Он схватил больно за руку и подтащил к столу. — Привет, мужики. Не помешаю?

И под кивки сел, резко дернув меня себе на колени. — Красотка. — оценил Славик, кивнув на меня — Императорская?

— Да я бы так не сказал, — уклонился от ответа Кирилл и сдернул с меня попонку, открывая обнаженное тело, прикрытое только прозрачной юбочкой.

Дрожа от страха, я ноготками покорябала ногу Кирилла, за тут же получила шлепок по бедру.

— Сидеть, лошадка, кому сказал. — обернулся, — А Вы с Борей в делах? — Юристы.

Обеспечиваем мероприятия, проекты, проверяем сделки. Делаем красиво. — Да, Боря любит, чтобы красиво.

Брюнет внимательно изучил соски, облизнулся на левый, с качающимся колечком, и восхищенно присвистнул. Глаза у него какие-то странные, как сканирует. Опасный тип, попой чую.

— Шик. Все натуральное? — Лажи не держим. Можешь проверить.

Низко склонив лицо, уповая только на ремни уздечки и то, что не виделась с двоюродным братом пару-тройку лет, я пыталась аккуратно вывернуться из жесткого захвата явно мстящего мне мужчины.

На что меня еще больше фиксировали.

Брюнет, а потом и мой брат Славик (Господи, Славик!) протянули руки и с удовольствием помассировали груди, проводя пальцами по завитушкам из хны, катая нежные сосочки.

Выражение лица брата я запомню надолго, какое-то беспомощно-опрокинутое и жадное одновременно. Да что он там, в своей жизни, сиськи что-ли не трогал. Боже, хорошо-то как. Но нельзяааа.

Кирилл наклонился к самому уху. — Еще раз дернешься, и я сниму уздечку, открою личико. Я застыла. Как каменная. Как памятник. Выдавая себя с потрохами. Мужчина довольно рассмеялся. — Так и знал.

Пока два парня с удовольствием мяли мне груди, он медленно отпустил мое окаменевшее тело, поднял лицо пальцем за подбородок и властно взасос поцеловал. Улыбнулся, с удовольствием глядя на подрагивающие покрасневшие губы, и вдел удила в рот.

— Вот и готова моя послушная лошадка. Мужики, как насчет в баньку уединиться с лошадкой на часик. Поддержите идею?

Бутылку шампанского просто перевернул и начал вливать в мой железом раскрытый рот. Кашляя, я моргала и подрагивала. Испуганная и растерянная.

Парни насторожились, брюнет даже привстал, но Кирилл, отставив бутылку, картинно схватил за соски и с широкой улыбкой, похожей на оскал, потянул за них вверх, покручивая в пальцах. Мамочкааа.

Ахилеса родительница окунала в Стикс, держа за пятку, получив непробиваемого героя, слабого на пятку. А меня макали явно держа за соски. Потому что так-то я кремень, но вот соскиии ааах...

Издав череду стонов и повизгиваний от наслаждения, я с грустью поняла, что теперь никак не смогу убедить их в своем нежелании быть с Кириллом.

Уволакиваемая в одну из банных комнат, с тоской оглядывалась назад, где люди и пили и смеялись, а одна из толстых сенаторских жен залезла на стол, чтобы станцевать.

Бори нигде не было видно.

В горячей комнате мужчины быстро скинули простыни-туники. И я закрыла глаза, не желая видеть эрегированный член собственного брата.

Кирилл нажал на плечи, усаживая на деревянный пол. И, обхватив мое лицо двумя руками, медленно вошел членом в рот с железной распоркой удил. Выгнулся назад, поддавая бедрами, и громко освобожденно выдыхая.

— Дааа. Наконец-то. Кайф.

В сомкнутый вход горла ритмично затолкалась его теплая гладкая головка.

— Какая же она красивая, тело — мечта! — хрипло сказал брюнет, присел и начал целовать мои дергающиеся соски.

Прямо у лица задрочил длинный член Славик. Я заплакала, но никто этого не увидел.

Кирилл резко вытащил своего бойца и громко спросил. — Лошадка, хочешь сниму с тебя уздечку.

Я, смаргивая слезы, испуганно закачала головой. — Ну и молодец. Продолжим.

Голову развернули. Мужской пах, до боли знакомый впалый смуглый живот, острые косточки по бокам. Мы каждое лето часами пропадали на речке, на этом животе я сонно дремала под деревенским солнцем. Я иногда его целовала, и брат заливисто смеялся.

Давно повзрослевший мальчишка, со знакомой родинкой у пупка, вдвинулся внутрь и сказал, — Ах, как пиздато в кольцо. Как в дыру. И язычок вертится.

Засмеялся. Язык ощутил скольжение его бархатного члена.

— Мужики, ее колотит от кайфа, — восхищенно протянул брюнет, поглаживая мое трясущееся тело.

Чуть удлиненный, невообразимо нежный хуй моего двоюродного брата двигался во рту, обливая меня мурашками, закладывая уши шумами и плесками далекой деревенской речки. Ласково и успокаивающе ведя ладонями, или наоборот, электризуя касаниями тело, уже не разобрать моему пьяному подвывающему от удовольствия мозгу, брюнет медленно поднялся, и, подрачивая, ткнулся просяще в щеку.

Слава нехотя отстранился, я закашлялась слюной, которую не могла сглатывать.

Третий хуй, горячий и широкий, неожиданно грубо ткнулся в сомкнутое горло и застучал, вышибая уже другие слезы, слезы боли. — Давай, глоток.

Какой, блядь, глоток! Но я попыталась натужно глотнуть, и головка хуя вдруг плавно вошла в горло.

Между ног скрутилось от наслаждения, и я задержала всем телом.

— А, хороша сука и любит, когда жестко — сквозь зубы прошипел брюнет, ударами ноги раскидывая в стороны мои коленки, — Давай, надевайся сама.

Дрожащими пальцами погладила его выставленную вперед ногу, сухощавую и очень волосатую, никаких фавновских штанов не надо.

Сама раздвинула мокрые складочки и ввела его большой большой палец. Пусть будет как будет, не думай детка, судьба тебя вынесет.

Все это время брюнет был почти на выходе, давая дышать. Но когда наделась, задвинул и палец в лоно, и член в горло. Я пропустила. Я его всего, черт дери, пропустила. В горло. Во влагище. В себя. Мне было очень хорошо.

Парни смотрели как расширилась шея, и на ней через кожу проступило очертание члена.

— Я сейчас кончу, — растерянно сказал Слава, дроча сбоку как заведенный. А Кирилл

громко и как-то зло расхохотался.

Брюнет погладил по щеке, обвел пальцем веко, потом мягко и осторожно вытащил ствол, давая откашляться и отдышаться.

— Сейчас ей удил отодвину, будет полегче, да лошадка?

Изо рта вынули железки. Брюнет похлопал по губам, возвращая кровообращение, и развернул к Славе, лишая меня своей совершенно божественной ноги.

Сдвинув мне мокрые пряди со лба, Славик схватил, подтягивая к себе за затылок, и задвигал дрожа рукой, смотря на поднятое лицо.

— Дашенька, — вдруг тихо прозвучало сквозь зубы, — Дашенька моя, выпей.

— Что? Как ты лошадку назвал? — Кирилл весь подобрался.

— Ааах, — освобожденно выдохнул брат, выбросив мне на уголок рта белесые капли, — Хуясе как хорошо.

Отдышался.

Погладил губы головкой и помотал головой, как будто освобождаясь от наваждения.

— Да так, есть знакомая девочка, лето на дачи проводили, очень на эту похожа, только не такая сисястая.

Чтооо? Девочка знакомая? Не такая сисястая? Ты бы меня еще три года не видел, вообще б наверно изменилась. Я возмущенно пыхла, но сперму проглатывала.

— Слышь, а познакомишь? — брюнет проследил как улыбающийся Кирилл собрал пальцем остатки спермы с подбородка и заботливо отправил мне в рот, — Прямо мой тип, глаз отвести не могу.

Кирилл задумчиво поводил пальцем по припухшим влажным губкам. — Хорошо наверно героиню мокрых фантазий в реале в голодный рот отвафлить, ну или хоть похожую девку. Мужчины рассмеялись и потянули меня к деревянным горячим лавочкам. Кирилл лег на лавку, с удовольствием легко заправив мне в пизденку, опрокинул на себя.

Брюнет вынул анальную пробку, коленом уперся в лавку, второй ногой стал на пол, при этом вздернув мою голову за уздечку, придушивая.

Мотая бедрами, он явно специально разьебывая попку, и слушая мои сладострастные хрипы, неожиданно спросил отдыхающего Славика.

— Значит красивая девочка твоя знакомая по даче? А как по характеру? — Золотая девчонка, веселая всегда. Разбалована, конечно, немного, папа на нее не надышится.

Слава помолчал и вздохнул, — Как же я хотел ей вдуть, мужики, это что-то. Бегает рядом, сисечками своими малипушными трясет, жметесь ко мне. А я на 5 лет старше, до боли стояк был.

Он привстал и потянулся спортивным поджарым телом. — Затрахаю-ка я эту суку, чтоб камень с души. Может та снится перестанет.

Кирилл зарычал, поддавая бедрами и от души влепил мне пощечину. — Мне тоже одна снится.

Он сжал мне лицо и ожесточенно плюнул. Потом еще и еще. Размазывая плевки, сминая лицо.

Меня плавило в адском пожаре стыда и похоти, два штыря насаживали на кол наслаждения. В столах и подвываниях, я позла к большому греховному оргазму.

Брюнет сжал красные сиськи у основания до вдавленности пальцев, как в тесто. И потер за кольцо в соске.

Прижавшись все телом и дежась за сиськи, он вбивался как отбойный молоток, сипло дыша сквозь зубы. Их члены терлись у меня внутри, разделенные кожей перегородкой.

Слава как загипнотизированный подошел и погладил по губам, так и не опавшим членом. Я схватила его, и глядя парню в глаза, полностью понимая что делаю, засосала, завывлизовала, зацеловала. Моего рыцаря из детства.

Желая сделать ему приятно, ласкала кончиком язычка яички. Мокро чмокала и всасывала хуй. Смотрела в глаза.

Он жалобно выдохнул: — Дашенька, милая. Как же похожа. И второй раз вылился в рот. Беспомощно хватая воздух.

Я проглотила и тут же завывла в пароксизмах оргазма, трясась в конвульсиях, и провоцируя остальных. Сначала охнул, вливая брюнет. И дернул за соски так, что я взлетела на новый уровень. Тут же засипел бывший «папик».

— Лошадка, в маточку твою, прими, понеси от меняааа.

Хрен тебе, злобно подумала я. На таблетках. Не буду я Вас размножать.

Сердце стучало как сумасшедшее. Брюнет отвалился, а Кирилл закрыл глаза и пребывал в нирване. Была б паучихой, можно было бы отрывать голову, не дернулся бы.

Даже жаль, что не паучиха.

Лизнув на последок принципиально не падающий, продолжающий жестко стоять член Славы, я бодренько скатилась с лавочки.

— Мальчики, я в туалет, быстро.

Вильнула от потерявшего реакцию расслабленного Кирилла и выскочила в коридор. Хрен с хвостом, юбкой и попонкой. Пусть поделят на троих.

Уже захлопывая прозрачную банную дверь, с удивлением отметила, как брюнет прижал коленом дергающегося Кирилла. О.

Увидев мои удивленные глаза, парень улыбнулся, кивнул и мотанул головой: Беги.

Мокрая, скользкая и красная я припустила к свободе, на ходу подхватывая с пола и заматываясь в чью-то брошенную простынь.

На ступеньке у выхода грустно сидел Боря с шампуром шашлыка руке. Толстая тетка, крепко держа его за расставленные ноги, счмоканьем и подергиванием головой сосала член «папика».

— Лошадка, — сказал Боря, — ты куда ушла? Так расстроила меня, прям кушать не могу. — Поехали домой, Борюсик, — нежно ответила я, погладив его по вспотевшим волосам. — Пососешь на ночь? — он с надеждой уткнулся мне лицом в грудь.

— Без костюмов и декора? — А ну их. Просто пососи. — Ну пошли.

Мы с трудом отцепили тетку. И поехали домой. Всю дорогу перед глазами стоял Слава, с торчащим наперевес членом. Улыбающийся и кивающий брюнет.

Надеюсь, никто не узнает, что случилось в бане. Что было в Лас-Вегасе, останется в Лас-Вегасе.

Мы, девочки, идеальные хранители чьих-то маленьких грязных тайн. Ай-яй-яй, Славик. Я облизала губы со вкусом спермы и нежно приобняла Борюсика.